

Bild. Gerade diese virtuos eingesetzte Mischung – die balkanische Vielfalt – erzeugt ein Gesamtbild, kein objektives, sondern das des Schriftstellers Richard Wagner.

Berlin

PETRA HIMSTEDT-VAID

VICTOR A. FRIEDMAN: *Turkish in Macedonia and Beyond. Studies in Contact, Typology and other Phenomena in the Balkans and the Caucasus*. Harrassowitz: Wiesbaden 2003. 192 p. ISBN 3-447-04640-6.

Книга широко известного американского балканиста ВИКТОРА ФРИДМАНА опубликована в Европе авторитетным германским издательством Harrassowitz в издаваемой ЛАРСОМ ЙОХАНСОНОМ серии TURCOLOGICA. Оглавление уведомляет читателя о том, что издание содержит разделы Благодарности (с. ix), Орфография и терминология (с. xi), Сокращения (с. xiii), Предисловие (с. xv), девять глав собственно исследования (с. 1–172) и Библиографию (с. 173–191).

Исследовательские главы объединяют ранее опубликованные в периодических изданиях (начиная с 1978 г.), но существенно переработанные статьи автора по вопросам языковых контактов, глагольных категорий, типологии и иных проблем изучения турецкого языка на Балканах и на Кавказе, равно как и по общим вопросам балканского и кавказского языкознания. Внимание в большинстве разделов концентрируется на связях турецкого языка с македонским или языками Македонии (албанским, арумынским и цыганским), не оставляя без внимания болгарский, греческий, румынский и сербский. В первых двух главах исследуется влияние турецкого языка на македонский на всех языковых уровнях, а также лексическое влияние турецкого на языки Республики Македония. Третья глава предлагает обзор турецких диалектов на Балканах с особым вниманием к контактными явлениям в диалектах Македонии и Косово. Последующие три главы концентрируют внимание на двух глагольных категориях – эвиденциальности и глагольном виде (аспекте). Появление первой в языках Балкан обычно объясняют контактом с турецким, в то время как для второй характерно, с одной стороны, почти полное совпадение ее поверхностных дефиниций для турецкого языка и для балканских, но с другой, – существенные расхождения между этими языками в глубинной структуре. В двух последних главах (которые не являются предметом рассмотрения в настоящей рецензии) изучаются два текста – один из древнейших текстов на цыганском языке и вышедшая в Турции публикация лакского стихотворения. Общего заключения в книге нет.

Глава I „Турецкое влияние на македонский и турецкие лексические элементы в языках Республики Македония“ (с. 1–29) состоит из разделов „Турецкое влияние на современный македонский“, „Турецкое лексическое влияние в Македонии“ и „Заключение“. Автор характеризует турецкий как официальный язык большей части Балканского полуострова в течение более чем 500 лет, как престижный язык, как язык администрации и рынка, на котором гово-

рили в селах¹ и городах. Как кажется рецензенту, преувеличенно было бы все же полагать, что именно благодаря турецкому завоеванию Балканы стали представлять собой то геополитическое и социокультурное единство, которое известно нам сегодня; нельзя скидывать со счетов также более ранние периоды объединения Полуострова под властью Рима, Византии, а также во время славянского завоевания. Можно возражать и против терминологического неразличения *Macedonia* и *Republic of Macedonia* (с.1, сноска 3), поскольку эти понятия имеют существенно различный объем (так, уже на 2-й стр. автор ссылается на македонские диалекты района Корчи в Албании).

Турецкое фонологическое влияние на македонский язык, по справедливому мнению автора, отражается в виде явлений четырех типов: 1) явления изолированные (*h*, *ii*), 2) маргинальные/лексикализованные (*шва*), 3) дополнительный фактор (*f*, *k*, *g*) и 4) основной фактор (*dž*, *lj*). В области словоизменения турецкое влияние минимально и сводится к появлению не изменяемых по числу и роду прилагательных (тип *taze*); особо характеризуются автором способы морфологической адаптации македонским языком турецких лексем. К дискуссионным случаям возможного влияния автор относит появление существительных общего рода (тип *budala*), но его аргументация частично не совсем точна – существительные типа *svedok*, *sudija* в большинстве славянских языков и диалектов все же мужского, а не общего грамматического рода. Спорно, по мнению автора, возведение к турецкому влиянию и таких морфологических явлений, как неразличение родовых форм клитической формы датива личного местоимения (*ти* м. и ж.р.), как утрата вокатива, как аналитический способ образования форм компаратива и суперлатива прилагательных, поскольку во всех этих случаях славянский располагает собственными моделями и источниками возникновения. Это же касается и синтаксического уровня – употребления клитических форм датива личных местоимений для выражения притяжательности (*majka ti*), возникновения у глагольных форм противопоставления по признаку „свидетельские/пересказывательные“ (о категории статуса см. ниже), появления конструкций, напоминающих турецкий изафет, с порядком слов² генитив-вершина (*na carot majka ti*) и некоторых других.

Лексическое (и словообразовательное) влияние турецкого языка на балканские является одной из фундаментальных характеристик балканского языкового союза вообще; тем не менее, турецкий лексический фонд в этих языках претерпевал и претерпевает значительные изменения как в составе, так и в семантике и в стилистических коннотациях. Особенно в последнее время наблюдается оживление этого фонда, существенно обогащающего лексическую подсистему балканских языков. Не вдаваясь в вопросы дальнейшей этимологиза-

¹ Сразу же следует заметить, что рецензенту пока не совсем ясен вопрос о распространенности турецкого языка среди не-тюркского и не-мусульманского сельского населения Балкан, которое часто оставалось моноязычным, особенно в женской своей части (ср. с. 15 и др.).

² Не совсем ясно, почему порядок слов в предложении с финальной позицией глагола для македонского языка надо характеризовать как *extremely rare* (с. 9). Кроме того, в болгарском примере *Na mǎžǎt hubost ne se gleda* (с. 9, сноска 13) речь, как кажется, следует вести о двойной грамматической зависимости (как от имени, так и от глагола).

ции турцизмов или путей перекрестных заимствований разных лексем из разных балканских языков, ВИКТОР ФРИДМАН в своем исследовании опирается на тот факт, что „such items are popularly felt to be Turkisms“ (с. 11). По его мнению, в области суффиксального словообразования следует различать заимствованные из турецкого в македонский суффиксы типа *-džija/-čija, -lija, -lak, -ana* (обслуживающие как лексемы турецкого происхождения (*jabandžija*), так и славянские слова (*strojniklak*) и новейшие заимствования (*pubertetlija*)) и суффиксы типа *-džik*, глагольный *-di* (встречающиеся только в турцизмах, тип *kapidžik* и др.). Спорно отнесение к турецкому влиянию суффиксов *-man, -če*, а также таких явлений, как редупликация (трех типов: *tepsii-mepsii, bela bela, gol-goleničok*), словосложение (*ruček vreme*), частеречная нейтрализация (*eksik* сущ., прил., нар.). Трудно установить и конечный источник семантических калек предположительно с турецкого, некоторые из которых имеют параллели и в английском языке; автор не углубляется в теоретические вопросы различения прямых заимствований, ареально-типологических и общетипологических параллелей. Собственно лексические турецкие заимствования охватывают в македонском все части речи за исключением числительных (хотя слова с количественным значением типа *čerek, čift* также отмечены) и практически все лексико-семантические группы, затрагивая все аспекты македонской культуры и жизни (так, в 19-м веке в православную церковную терминологию вошли лексемы *kurtulija* „спаситель“, *sajbija* „господь“ и др.). Трудно полностью согласиться с автором в том, что „большинство турцизмов было заимствовано без значительных семантических изменений“ (с. 15); наши исследования (см. *Zeitschrift für Balkanologie* 40 (2004), Heft 1 und 2) заставляют значительно более взвешенно подходить к этому вопросу. Да и сам автор указывает на частые случаи того, что вторичные значения турецких лексем часто становятся первичными в македонском, или что стилистически сниженные единицы становятся нейтральными и т.д. Верны общие, восходящие к известной работе КАЗАЗИСА наблюдения над постепенным вытеснением турцизмов (славизмами, германизмами, интернационализмами) в течение 20-го века, их сохранением в качестве историзмов, диалектизмов³ или стилистически сниженной лексики; верна и общая характеристика стоящих за целенаправленной языковой политикой разнонаправленных общественных интересов. Так, ряд македонских интеллектуалов стремился сохранить турцизмы как дифференциальный признак нового стандартного македонского языка относительно других славянских – похожим образом поступали в 1990-х гг. и некоторые албанские лингвисты в Македонии. Так, наблюдается параллель между использованием турцизмов в современном македонском языке и гегского варианта албанского языка в Македонии с общей целью коллоквиализации высказываний и целых текстов. Возрождению турцизмов в самом конце века и их использованию как „демократического“ маркера посвящено заключение этого подраздела.

Значительно менее подробно и на существенно более узком материале разработаны ВИКТОРОМ ФРИДМАНОМ аналогичные вопросы для албанского

³ Нельзя не согласиться с автором в том, что изучение турцизмов в македонских диалектах является одной из актуальных задач нашей дисциплины.

(где ситуация обобщенно характеризуется как в основе идентичная македонской, с различиями в степени продуктивности некоторых суффиксов), цыганского (спецификой которого является то, что число турцизмов в его норме может вырасти, если в ее формировании активно будут участвовать балканские цыганские диалекты; кроме того, ранние персидские заимствования вошли в цыганский без турецкого посредничества и имеют все шансы на сохранение), арумynского (усиление роли турцизмов в норме может помочь дифференциации этого языка от румынского) и сербохорватского языков в Македонии. Турецкий в Македонии сохраняет ряд лексем (часто арабского и персидского происхождения), ставших архаизмами в Турции, а также заимствует турцизмы из окружающих балканских диалектов.

Аргументация автора, дескрипция фактов, систематизация материала и общие выводы первой главы, включая и политически релевантные, убедительны, привлекаемый македонский материал достаточно широк, хотя и выборочен (наблюдения над материалом других языков носят в целом беглый, не всегда системный и взаимосопоставимый характер). Особое достоинство монографии в целом состоит в использовании живых фактов македонской речи, зафиксированных самим автором во время его частых пребываний на Балканах, – наблюдений над речью знакомых и окружающих, над уличными вывесками и надписями, над языком школьных или газетных материалов и т.п.; часто эти факты служат дополнительной иллюстрацией к явлениям, известным диалектологам по речи сельских жителей, часто позволяют скорректировать грамматические описания и языковые нормы. Хотя автор широко пользуется материалом стандартного языка, разговорной речи (в том числе и регионально окрашенной) и диалектов, все же, как кажется, список источников по македонскому диалектному материалу должен был бы быть существенно более широким, чем использованные в грамматическом разделе публикации КОНЕСКОГО и ГРОЕНА (не говоря уже об источниках по другим языкам). В любом случае серьезной лакунной в библиографии является отсутствие ссылок на отдельные диалектологические работы ВИДОЕСКОГО (разумеется, известные автору книги, но не обязательно известные его потенциальным читателям-балканистам, тюркологам или типологам). Привлечение материалов этого автора по охридскому говору позволило бы, например, значительно детальнее охарактеризовать степень турецкого влияния на сохранность фонемы /b/ и отличить случаи такого влияния от случаев сохранения собственно славянской архаики (ср. с. 3).

Глава II „К определению места турцизмов в цыганском“ (с. 30–49) посвящена обследованию лексического корпуса МЕССИНГА по цыганскому говору Агия Варвары в Афинах в сопоставлении с албанским и сербохорватским языками. Открывающая „Введение“ формулировка о парадигматическом значении цыганских данных для балканистики вообще может быть понята лишь в узком лингвогеографическом смысле (число турцизмов в цыганских диалектах уменьшается по мере удаления наблюдателя от границ Османской империи); известно, что во внутрисистемном плане цыганский обладает уникальной способностью замещать целые пласты заимствованного лексикона новыми (в отличие от сохраняющегося базового лексического слоя). Вновь подчеркнув

роль балканских диалектов в формировании цыганской нормы, автор задается вопросом о будущем месте турцизмов в последней (в заключении повторяется мысль о возможном возрастании числа турцизмов в будущей цыганской норме). В последующих разделах вновь подчеркивается специфика цыганского в том плане, что персидские заимствования в нем (для других балканских языков не отделимые от общего корпуса турцизмов) или общие с хинди и др. индоиранские лексемы могут сыграть особую роль в языковом планировании, подобную той, которую играла лексика близкородственных языков при вытеснении турцизмов из македонского, болгарского, румынского и др. После краткой характеристики всего лексического корпуса МЕССИНГА (не включившего в словарь лексемы, употребленные в его материалах лишь один раз), автор устанавливает, что турцизмов в нем около 27% (из которых лишь половина собственно тюркского происхождения) и приходит к заключению, что ситуация в говоре близка к той, в которой находились балканские языки в 19-м веке, т.е. до установления их современных норм. На с. 37–49 приведен словарь турцизмов говора с собственно турецкими, а также сербохорватскими параллелями (автор утверждает, что 85% цыганских турцизмов встречаются и в других балканских языках), указанием на язык-источник лексемы в турецком и английским эквивалентом. Данные по албанскому языку не эксплицированы. Серьезным замечанием автору может быть то, что им не везде учтены семантические вариации одной и той же по происхождению лексемы в разных балканских языках и диалектах (так, вряд ли лексема *bereket* имеет, например, в сербохорватском только значение „blessing“, *kusur* – только „defect, fault“, *misir* – только „corn“, *suret* – только „photo, picture“ и мн. др.); менее существенно отсутствие в списке той или иной сербохорватской лексемы, вроде *postoci(ja)*, или неправильная идентификация лексемы (так, *borčlija* имеет в словаре английским эквивалентом *debt*).

В Главе III „Турецкие диалекты в Македонии и Косово“ (с. 50–83) справедливо указывается на недостаточность рассмотрения турецкого языка на Балканах только в качестве адстрата и на неверность отказа предоставить турецкому статус члена балканского языкового союза. По крайней мере, выводы, сделанные на основании анализа литературного турецкого языка, не следует прямолинейно переносить на турецкие диалекты, в настоящее время функционирующие на Балканах (из которых наиболее основательно изучены те, которые находятся на территории Болгарии). Виктор Фридман исследует западнорумелийские турецкие диалекты в Республике Македония и на Косово с точки зрения контактной лингвистики, предварив работу основными социолингвистическими сведениями о них, предупредив об исключении из рассмотрения говоров македонских юруков, указав на престижность турецкого языка среди македоноговорящих мусульман в Западной Македонии и на владение турецким языком албанцами и цыганами. В этой связи важен тот факт, что „балканский турецкий, на котором говорят не-турки, несомненно оказал влияние на местный турецкий“ (с. 53). Вслед за НЕМЕТОМ и ДЕРФЕРОМ в разделе „Основные характеристики западнорумелийских турецких диалектов“ автор приводит следующие признаки: 1) *ı, ü, u* > *i* в финале слова (*kuti, subaşı, küpri*); 2) перфектный суффикс *-miş* не изменяется по правилам гармонии

гласных (*almış*); 3) *i > ɪ* в неначальных и закрытых финальных слогах (*evimin*); 4) *ö > o' ~ o*, *ü > u' ~ u* в большом числе лексем (*boyle*, *uç*); 5) в суффиксах со слабой гармонией гласных (*e / a*) обобщена одна из двух форм (*yemişlar*, *alırse*); 6) *ö > ü* в примерно 40 лексемах (*küprü*); 7) оттоманское *g* последовательно сохраняется (*agaç*); 8) прогрессив образуется скорее посредством *-u*, чем посредством *-yor* (*уарау*, *alaysın*); 9) смещение артикуляции */k/*, */g/* вперед, в направлении палатальных аффрикат или смычных; 10) утрата */h/*, особенно в начальной позиции. Обзор имеющейся литературы приводит Виктора Фридмана к неутешительному выводу о том, что мы до сих пор мало что знаем о турецких диалектах Македонии и Косово, поскольку имеющиеся сведения о них опубликованы в местной периодической печати (и часто недоступны даже в местных библиотеках) или содержатся в неопубликованных диссертациях, защищенных в Приштинском университете; собственных полевых исследований автор не осуществлял. О турецких диалектах Албании сведений в науке практически нет, поэтому одной из основных задач будущего следует считать тщательное обследование остатков турецкой речи в этой стране (равно как и в Греции).

Дальнейшие разделы главы посвящены рассмотрению основных характеристик западнорумелийских диалектов (в фонологии, морфонологии, словоизменении, словообразовании, морфосинтаксисе и синтаксисе, в лексике) в контексте языковых контактов, причем тщательный анализ фактов позволяет автору высказывать взвешенные обобщающие суждения. Так, например, совпадение гласных верхнего подъема может быть связано с отсутствием в македонском языке фонемы */y/*, а также с фонологическим ограничением на появление шва и */u/* во флексии номинатива ед.ч.⁴, но все это могло лишь усилить тенденцию, существующую и в диалектах северо-восточной Анатолии. Таким образом, в этом случае мы оказываемся не в состоянии определить, идет ли речь о явлении, возникшем в условиях балканского контакта, или же о параллельных независимых инновациях. Напротив, появление в западнорумелийском турецком фонемы */c/* = *[ts]* несомненно обязано своим происхождением контакту (*lonats*, *tsapo*, *dayitsa*), равно как и веляризация */l/* в определенных позициях, а также утрата геминат. В целом, фонологические системы балканских турецких диалектов близки к системам окружающих их диалектов славянских и албанского языков (с. 68). В словообразовании несомненно заимствование из славянского суффиксов существительных женского рода (*-ka*, *-itsa*) и деминутивов (*-çe*, *-o*), но не столь очевидна роль славянского, например, в росте частотности суффикса *-a*. Интерес представляет большая продуктивность собственно турецких суффиксов, заимствованных в окружающие балканские языки, в западнорумелийских диалектах по сравнению со стандартным турецким (но и этому явлению есть параллели в Анатолии, а именно в детской речи). Для морфосинтаксиса характерно смешение датива и локатива⁵,

⁴ Надо заметить, что в славянских диалектах, утративших */h/*, возможны формы типа *dă(h)*, *slu(h)*, *glu(h)*; указанное ограничение не действует и в арумунском языке.

⁵ Неверно для славянского, что пространственные предлоги первоначально имели лишь локативное значение (см. с. 61).

числовое согласование между указательными местоимениями и существительными (*bunlar çocuklar*), обратный порядок слов в генитивных синтагмах (*babası Alinin*), нарушения в образовании изафета (что не обязательно отражает последствия языковых контактов; возможно, речь следует вести об утрате языкового чутья в условиях двуязычия). Особенно интересен раздел, касающийся общевосточной тенденции к устранению нефинитных глагольных форм, отражающейся и в турецких диалектах (например, в замене инфинитива оптативом-конъюнктивом или кондиционалом (*Lâzım gideyim*)), а также информация о прямых кальках со славянского в этой сфере (типа *olur mi*, релятивизатор *ne „что“* и др.) или о заимствованиях служебных слов (союза *a*). Контактom объясняет автор частотность и нейтральность порядка слов с постановкой глагола в начало предложения. В разделе „Лексика“ указывается на зависимость балканско-турецкой ситуации от языковой политики в соответствующих странах (так, турецкая топонимия может быть ограничена в употреблении даже в местных турецких изданиях), а также на специфическое развитие относительно стандартного турецкого языка (например, нечувствительность к семантическим нюансам) или на вторичное заимствование турецкой по происхождению лексики из контактных языков.

В итоге автор убедительно демонстрирует результаты и идеологию языковых контактов, в меньшей мере уделяя внимание их механизму. В „Приложении“ (с. 70–83) находим авторский корпус сведений о турецкой речи Македонии и Косово, почерпнутый из местных учебников турецкого языка (речь идет о формах, обозначенных как неправильные, что свидетельствует об их наличии в речи учеников; все формы снабжены отсылками к имеющейся диалектологической литературе).

Глава IV „Эвиденциалис в балканославянском, албанском и турецком“ (с. 84–111) фактически суммирует наблюдения автора над этой категорией за 25 лет. Проанализировав во „Введении“ употребление терминов *эвиденциалис*, *пересказывательность* и *статус* в существующей литературе, автор подчеркивает, что рассмотрение последней категории в качестве балканизма есть объект оживленных дискуссий, в которых часто не учитывается материал арумунского и сефардского языков. Раздел „Балканославянские языки“ посвящен противопоставлению конфирматива и неконфирматива, форме и функциям немаркированного прошедшего (*l*-перфекта) в македонском языке, опущению вспомогательного глагола в болгарском (и сербском) перфекте. Здесь ВIKТОР ФРИДМАН решительно возражает против трактовки форм с опущением как особой глагольной парадигмы и настаивает на их понимании как „прагматического устройства, кодирующего нарративную перспективу, *дистанцию*“ (с. 91) или как „определенной тенденции опускать вспомогательный глагол в определенных контекстах“ (с. 93). Богатая коллекция языковых примеров позволяет автору часто разрушать прескрипции языковых кодификаторов (сюда относится, например, употребление болгарского *l*-причастия на основе имперфекта с вспомогательным глаголом вне пересказывательных контекстов (*Az pomnija majka mi, bre, ... učela me e pesni da peja*, пример В. Станкова)).

Немаркированное прошедшее в балканославянском может употребляться с референцией к моменту речи, но такое употребление, по мнению автора, не следует считать собственно презентным. На достаточном материале путем комментирования каждого примера (обычно на основе английского перевода и обсуждения обстоятельств акта речи) автор пытается показать, что и в пересказывательном употреблении, и в адмиративном, и в дубитативном использовании форма немаркированного прошедшего содержит референцию к прошлому („in each instance there is actually some past reference“, с. 94; „...in fact refer to a pre-existing state in the past“, с. 109 и мн. др.). В балканославянских языках среди унаследованных из протосостояния глагольных форм маркирована конфирмативность, „в то время как неконфирмативность следует рассматривать в качестве основного контекстуального вариантного значения немаркированного прошедшего“ (с. 95). Появление этого значения исторически относится к периоду османской оккупации, но наряду с возможностью турецкого влияния нельзя упускать из виду и некоторые общетипологические универсалии. После рассмотрения релевантного албанского⁶ и стандартного турецкого (*di*-прошедшее и *miş*-прошедшее)⁷ материала, производится общий сопоставительный анализ болгарского и турецкого, албанского с балканославянским и турецким (на материале переводов романа АЛЕКО КОНСТАНТИНОВА *Бай Ганю*). В результате предлагается признать, что грамматикализованные явления, имеющие сходную поверхностную реализацию в балканских языках, могли появиться как дискурсно-связанные вариации, частично возникшие из коммуникативных потребностей многоязычных говорящих, а частично могли быть обязаны своим появлением соревнующимся грамматическим системам. Их место внутри системы каждого балканского языка может быть описано в терминах континуума между прагматически обусловленной вариацией и грамматикализацией. Как кажется, в области гипотез пока остаются обобщающие выводы о дискурсивных функциях возможных балканизмов и о том, могут ли эти функции заимствоваться напрямую, служат ли „точками вхождения“ для развития структурного изменения, могут ли подвергаться фузии, а также более частные выводы о последовательности и мотивировке развития перфекта в эвиденциалис, а последнего в адмиратив (имела ли место такая последовательность вообще?) и т.п.

В **Главе V** „О гномическом использовании эвиденциальности (статуса) в турецком, балканославянском, албанском, грузинском и лакском“ (с. 112–126) речь идет о взаимодействии грамматической категории, кодирующей субъективную оценку говорящим его сообщения к истине, и жанра текстов, предназначенного для сообщения объективной, универсальной истины. Анализ огромного корпуса примеров позволяет автору прийти, например, к выводу, что балканославянские языки и албанский предпочитают в гномическом употреблении немаркированные с точки зрения конфирмативности глагольные формы

⁶ Примером пересказывательного употребления формы адмиратива автору служит материал из его личной переписки: *Qeshë i lumtur të dëgjoja se qenkeni mirë me shëndet të gjithë*.

⁷ По мнению автора, дистрибуция этих форм „скорее связана с нарративной стратегией“, чем с указанием на источник информации (с. 102).

(соответственно немаркированное прошедшее время и не-адмиратив). В итоге в главе устанавливаются существенные различия в системном месте лишь поверхностно единой категории „статус“ в каждом из обследованных языков, обусловленные в том числе и исторически.

„Видовое противопоставление аорист/имперфект в балканославянском, турецком и албанском“ – название **Главы VI** (с. 127–140), в которой очень аргументированно и убедительно продемонстрировано несовпадение функциональных сфер этих временных категорий в балканских языках. Не вдаваясь в дискуссию о том, какую из двух форм – аорист или имперфект – следует считать маркированной в каждом из этих языков (с. 136 и сл.), какую роль играют признаки *одновременность, длительность, финальность* и др., обращу внимание на необходимость привлечь к обсуждению работы ЗУЗАННЫ ТОПОЛИНСКОЙ о синтаксисе македонских диалектов в Эгейской Македонии, а также сведения о сохранении аориста глаголов несовершенного вида в македонских диалектах (ср. в кичевском говоре – *Kaj beše dosega?* – *Go metof dvo-rot*). Это позволило бы релятивизировать (по крайней мере для македонских диалектов, т.е. для македонского языка *в целом*) утверждение на с. 138: „The loss of the imperfective aorist in Macedonian is crucial in differentiating it from the other languages considered here, and arguably moves Macedonian in the direction of having a marked aorist“.

Глава VII представляет на с. 141–155 интересный материал по переключению кодов в собранных и опубликованных в 1856–1898 гг. МАРКО ЦЕПЕНКОВЫМ македонских текстах, проанализированный на широком фоне тогдашней и нынешней социолингвистической и политической ситуации в Македонии.

Рецензируемая книга в целом объективно отражает современное состояние нашей дисциплины, когда тщательный анализ фактов лишь еще должен привести к решению фундаментальных теоретических проблем балканистики, таких как дефиниция терминов *балканизм, балканский языковой союз*, к разграничению ареально- и общетипологически обусловленных явлений, заимствований и параллельных инноваций, а детальное описание балканских языковых систем, равно как и реального функционирования балканского языкового контакта во всех его разновидностях, дву- и многоязычия и балканского многоязычного дискурса лишь еще должно обнаружить балканскую специфику в этой области. Как кажется, и общелингвистическое понятие грамматической категории, и проблема разграничения формальной, семантической, функциональной маркированности, и вопрос о различении грамматического значения и дискурсивной функции, заимствования и переключения кодов и мн. др., заслуживают своего дальнейшего анализа на балканском материале.

К сожалению, рецензент не может не высказать целый ряд *формальных* замечаний, которые следует отнести на счет издателя серии и самого издательства и которые существенно портят общее положительное впечатление от книги немалой ценой в 52 евро. Книга в целом плохо отредактирована и вычитана: в частности, запись примеров не всегда приведена к единому стандарту, количество опечаток достаточно велико, часть отсылок к литературе не отражена в конечной библиографии, есть стилистические недоработки.

На с. xi нас уведомляют, что „Latin <h> is used for South Slavic languages and Latin <x> for East Slavic <x>“, но на с. 3 мы находим „inherited /x/“ для македонского, а на с. 134 – Mac *novinskata xartija*. Иногда графема *š* встречается вместо *ž* в записи славянских примеров, а для передачи болгарского *ž* встречается то латинское *a*, то *и* с диакритикой. В списке сокращений отсутствуют круглые скобки (...), так что неясной в конечном итоге оказывается запись на с. 3 „Their position is comparable to that of, e.g. (x), (ā) or (R) in the speech of Americans who...“. Неясна и функция скобок (...) и [...] в таблице на с. 86.

Вот некоторые опечатки: с. 4, *gatjnik*, надо **gatjъnikъ*; с. 6, *phonlogy*, надо *phonology*; с. 6, *Shwa has has remained*, надо *Shwa has remained*; с. 9, *Cašule 1988f*, надо *Čašule 1988*; с. 40, *zaèae*, надо иначе; с. 50, *Eriner 1970*, надо *Erimer 1970* (или наоборот!); с. 56, *Ginari*, надо *Gjinari*; с. 69, *živi u Skopli/odi u Skoplju*, надо *živi u Skoplju/ide u Skoplje*; с. 84, *Gol b* (так!), надо *Golab*; с. 106, *Turkish*, надо *Bulgarian*; с. 110, *ellaed*, надо *called*; с. 127, *Conev 19/101911*, надо *Conev 1910/1911*; с. 133, *ladonah ... nasipal, slesrja* надо *ladon'ax ... nasypal, slesarja* и др. Даны без ударения греческие примеры на с. 10, 26, 147 и др., иногда греческие примеры даются латиницей (с. 127). Наконец, корректор просмотрел ошибки в форматировании на с. 35, 38, 115 и др.

В библиографии нет следующих единиц, упомянутых в основном тексте: Hasan 1987, Gjinari 1989, Flier and Timberlake 1985, Feuillet 1986, Wilkinson 1951 и, возможно, других.

Вряд ли можно сейчас писать о явлениях, отмеченных в литературе 1976 и 1980 гг., как о появившихся *in recent years* (с. 5). Неудачна формулировка „grammatical gender of the referent“ (с. 7). Стилистически неудачно: *The use of ne zaman* ‘when’ as a calque on Macedonian *koga* Albanian *kur* ‘when’ as a relativizer as well as an interrogative ... (с. 64). Отсутствие редакторской работы привело также к тому, что книга не избежала некоторых, хотя и очень незначительных повторов (например, о роли гегского албанского в современной Македонии, об убывании числа турцизмов в цыганских диалектах при продвижении наблюдателя на запад).

Формальные замечания ни в коей мере не умаляют достоинств собственно авторской работы ВИКТОРА ФРИДМАНА, которая еще долго будет служить надежным пособием и источником информации для всех интересующихся балканским языкознанием, а также серьезным стимулом для дискуссий по общим и частным вопросам этой дисциплины.

Марбург

Андрей Н. Соболев

DUŠAN I. BJELIĆ, OBRAD SAVIĆ (Hg.): *Balkan as Metaphor. Between Globalization and Fragmentation*. The MIT Press: Cambridge/Mass., London 2002. 382 S.

Der anzuzeigende Sammelband scheint auf den ersten Blick ein weiterer Beitrag zur Stereotypendekonstruktion zu sein, und zwar im Sinne von Maria TODOROVAS „*Imagining the Balkans*“ 1997, d.h. der Geschichte der Balkan-Metapher (präziser: der Metonymie) seit der europäischen Aufklärung, die zur positiven Selbststilisierung